

**Я, ПРАВО, ЛЕНИ СЫН!
(МОТИВЫ ЛЕНИ И ПОКОЯ В ЛИРИКЕ А. ПУШКИНА)**

Бражук Владимир,
канд. филол. наук, доцент кафедры славистики
БГУ им. А. Руссо

Аннотация: Мотивы *лени* и *покоя* в лирике А. Пушкина рассматриваются с историко-литературных, философских, культурно-символических и лингвистических взглядов.

Ключевые слова: мотив, лирический герой, антитезис, хронотоп, символ, ирония.

Resume: The motives of “laziness” and “idleness” in the creative work of A. Pushkin are examined in the historic-literary, philosophical, cultural-symbolical and linguistic aspects.

Keywords: motiv, lyrical hero, antithesis, motif, chronotope, symbol.

Сочетание *русская лень* столь же стандартно, как *русская душа*. Заметим, что русская лень скорее не вялая, не сонная, а мечтательная.

В Библии к *лени* нет отчётливо выраженного негативного отношения. В первые века христианства ещё не было точного определения *лени*; её трактовали как один из видов *покоя*: «Лень представляется мне желанием покоя, – но только у Господа верный покой» (блаженный Августин «Исповедь») [2: 26]. Позже в западном христианстве лень попадает в список семи смертных грехов, в восточной же (православной) традиции чаще всего в списке грехов вместо *лени* упоминают *уныние*. «Лень – понятие, относящееся к мирской (физической) жизни человека и противостоящее *труду*. В этом и заключается важное отличие православия и католичества. Труд, в православной доктрине, – это в первую очередь *духовное деяние*; напротив, в католичестве уже с XI века именно социальная, физическая активность человека была признана ведущей и спасительной. ...Русское православие не видело духовной ценности в количестве материального богатства, заработанного трудом; католицизм же усердие в работе, труде, накопление материальных благ стал рассматривать как один из способов спасения души» [2: 27].

«Русская культура допускает и философское оправдание лени. Она не только глубоко впитала комплекс экклезиастических и новозаветных представлений о суете сует, о тщете всякой деятельности и о птицах небесных, которые не жнут и не сеют. Она еще и интерпретировала их как апологию бездеятельности. Русскому человеку очень естественно среди энергичной деятельности вдруг остановиться и задаться вопросом о ее экзистенциальном смысле. ...В этом контексте бездеятельность может восприниматься как проявление высшей мудрости, а лень – как добродетель» [1].

Для Пушкина, Языкова, Батюшкова или Дельвига слово ленивец (стандартная рифма для него – счастливец) обозначает поэтическую натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви. Лень воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и, во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты. Именно такое понимание лени находим во всех стихах Пушкина, где встречается лексема «лень»: «Городок» (1815); «Мечтатель» (1815); «Моя эпитафия» (1815); «Моему Аристарху» (1815); «Послание Юдину» (1815); «Послание к Галичу» (1815); «К Дельвигу» (1815); «Сон» (1816); «Дельвигу» (1817); «Тургеневу» (1818); «Уединение» (1819); «Всё призрак, суета...» (1819); «К моей чернильнице» (1821); «В часы забав иль праздной скуки...» (1830); «Дельвигу» (1830). Большинство из перечисленных стихотворений – это дружеские послания, *лень* здесь стоит в одном ряду с любовью и дружбой: «Любовью, дружеством и ленью / Укрытый от забот и бед, / Живи под их надёжной сенью; / В уединении ты счастлив: ты поэт» («Дельвигу») [3: 31].

Для творчества, для поэзии необходимо уединение. В стихотворении «Городок» (1815), обращённом к другу детства Н.И. Трубецкому, автор сетует на то, что в Петербурге не знал покоя, «кружился, веселился в театре, на пирах» и далее: «Но слава, слава богу! / На ровную дорогу / Я выехал теперь; / Уж вытолкал за дверь / Заботы и печали, / Которые играли, / Стыжусь, столь долго мной; / И в тишине святой / Философом ленивым / От шума вдалеке / Живу я в городке / Безвестностью счастливом... / Здесь грома вовсе нет...» [3: 333].

Сочетание *ровная дорога* в этих строках приобретает метафорический смысл: дорога – жизненный путь – суетна, печальна, шумна в Петербурге и покойна в далёком провинциальном городке, где нет грома и где тишина святая, отсюда – *слава богу*; святость там, где есть покой. Данный топос и обстановка как раз созданы для ленивого философа: «Блажен, кто веселится / Впокое, без забот, / С кем втайне Феб дружится / И маленький Эрот; / Блажен, кто на просторе / В укромном уголке / Не думает о горе, / Гуляет в колпаке, / Пьёт, ест, когда захочет, / О госте не хлопочет! / Никто, никто ему / Лениться одному / В постели не мешает...» [3: 334].

Большая часть стихотворения «Городок» – это общение с великими творцами древности и современности, чьё творчество не даёт поэту скучать: Вольтер, Вергилий, Гомер, Гораций, Лафонтен и другие. Весь день он с ними, прославляет их бессмертие и надеется на то, что и его творчество не канет в Лету. Лень здесь – это состояние, помогающее обрести покой, который связан с дружеским общением, с чтением, с мечтами, с философствованием, с творчеством.

В стихотворении «Сон» (1816), являющемся отрывком из неосуществлённой поэмы «Оправданная лень», заглавие которой сохранилось в рукописях Пушкина, лень – богиня и царица, благодаря лени поэт творит; краски, кисть, лира – всё отдано ей: «Приди, о лень! / Приди в мою пустыню. / Тебя зовут прохлада и покой; / В одной тебе я зрю свою богиню; / Готово всё для гости молодой. / ... Вот мой диван. Приди ж в обитель мира; / Царицей будь, я пленник ныне твой. / Всё, всё твоё: вот краски, кисть и лира – / Учи меня, води моей рукой» [3: 414].

В стихах Пушкина лень – *беспечна, свободна, глубока, уединённа, философична, мечтательна, поэтична, лирична, тиха, покойна, сонна, горда, святая, подруга, богиня, царица*. Лень, спутница творчества, возможна в определённом топосе: *глушь, пустыня, отдалённая сень, деревня, городок; лес, роща, сад, луга, поля, река, ручей; дом, шалаш, каморка, диван*. Пейзаж в данном случае всегда умиротворённый, небо и реки спокойные. Всё это *антитезношуму и крику городов, богатым домам, пирам, балам; громам, молниям, бурям, морям*. «Спешите же под сельский мирный кров / Там можно жить и праздно и беспечно, / Там прямо рай; но прочь от городов, / Где крик и шум ленивцев мучит вечно» («Сон») [3: 415].

В прославлении и воспевании лени Пушкин ироничен. Ирония есть во всех перечисленных стихах о лени (кроме: «Мечтатель» (1815), «Уединение» (1819)). «О Дельвиг! Начертали / Мне музы мой удел; / Но ты ль мои печали / Умножить захотел? / Меж Лени и Морфея / Беспечных дух лелея / Ещё хоть год один / Позволь мне полениться / И негой насладиться, – / Я, право, лени сын!» («К Дельвику») [4: 31]. «Здесь Пушкин погребён; он с музой молодой, / С любовью, леностью провёл весёлый век, / Не делал доброго, однако ж был душою, / Ей-богу добрый человек» («Моя эпитафия») [3: 372].

«Похвальна лень, но есть всему пределы», без творчества, без труда, без движений лень тягостна и мучительна: «Брегитесь вы, о дети, мудрой лени! / Обманчивой успокоенья тени...»; вся жизнь на диване и постели ведёт к подагре, тоске и болезни; «Средь мирных сёл, без всякого труда. / Что ж надобно? – Движеньё, господа!» («Сон»). Лень и труд в стихах Пушкина взаимосвязаны:

«Блажен, кто в отдалённой сени, / Вдали взыскательных невежд, / Дни делит меж трудов и лени, / Воспоминаний и надежд» («Уединение») [3: 87].

Большинство стихотворений, где встречается слово *лень*, написаны молодым Пушкиным. Поэт гармонично объединил лень и творчество, тем самым облагородив слово-понятие *лень*, вернув слову первоначальный смысл: медлительный, медленный, тихий, спокойный, мягкий, нежный, кроткий, то есть не суетный, мечтающий [6: 482].

Мотив покоя наиболее полно представлен в стихотворении А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора!» 1834 года. Когда пушкиноведы делят жизнь Пушкина на периоды, 1834 год обычно определяют начальным рубежом последнего из них – самого горького и самого тёмного. В этом году был запрещён «Медный всадник», критика говорила об упадке творческих сил поэта. В начале 1834 года Пушкин стал камер-юнкером, что было унижительным для поэта. Необходимость бывать при царском дворе тяготила. В апреле 1834 года почтовая цензура противозаконно распечатала, передала полиции, а та переправила царю письмо Пушкина Наталье Николаевне, где он ругал своё производство в «камер-пажи» и советовал своему сыну Сашке не ссориться с царями.

Неразрешимой была и денежная проблема. Издерживая 30000 в год, Пушкин не мог набрать и половину этой суммы. Семейные заботы усложнялись: рождались дети; родители болели, становясь беспомощными; жена поселила в своём доме двух сестёр; брат одолевал просьбами об уплате бесконечных долгов, зять – о разделе имений.

Под влиянием истории с письмом, из-за неприятия императорского двора, под давлением материальных обстоятельств Пушкин решил выйти в отставку (мысль о побеге в деревню, как единственном пути к спасению) и написал письмо А. Х. Бенкендорфу. Просьба об отставке не понравилась царю. Вмешался Жуковский и уладил дело. Но одно оказалось невозможным – оскорблённое самолюбие Пушкина. Ему было неприятно, что его считают холопом, с которым можно поступать как угодно. В дневниковой записи 1834 года о безнравственности правительства, читающего письма мужа к жене, Пушкин пишет: «Я хочу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного» [5: 287].

Именно в этот сложный период появляется стихотворение, обращенное к жене, «Пора, мой друг, пора!..» Написано, вероятно, летом 1834 года в связи с неудавшейся попыткой выйти в отставку и уехать в деревню. То же душевное состояние отразилось в письмах этого времени к жене. «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит – / Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частицу бытия, а мы с тобой вдвоём / Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём. / На свете счастья нет, но есть покой и воля. / Давно завидная мечтается мне доля – / Давно усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнютрудов и чистых нег» [4: 315]. Форма разговора, беседы, философского размышления создаётся благодаря обращению, переносу строк, шестистопному ямбу с пиррихиями. С первой строки заявляется тема: желание покоя. Хронос не отделим от топоса: дни летят, жизнь проходит, и уже пора, время пришло для покоя, что равноценно счастью; час уносит частицу бытия, то есть время уничтожает материю, а человек всё откладывает и предполагает, что ещё есть время для жизни.

Пиррихий во второй стопе четвертого стиха «предполагаем» замедляет течение стихотворения, как бы подчёркивая, что человек планирует начать жить после завершения дел, но умирает, не успев пожить, то есть насладиться покоем и свободой. Свету, миру противопоставлена обитель дальняя, где тишина, творчество и чистая нега, то есть полное довольство и блаженство.

В рукописи находим план продолжения стихотворения: «Юность не имеет нужды в аthome (в своём доме), зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, – тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть» [4: 603].

Спасением для Пушкина был не просто покой, а покой творческий, «обитель дальняя трудов». Так же, как и мотив *лени, покоя* у Пушкина связан с возможностью отлучиться от шумной суеты света для того, чтобы творить.

Библиография:

1. Зализняк А., Левонтина И., Шмелёв А. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html – Дата доступа: 25.09.2016.
2. Зеленин А. В. *Русская лень*. // Русский язык за рубежом. – 2004. – № 1. – С. 24-32.
3. Пушкин А.С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 1.* – М., 1974.
4. Пушкин А. С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 2.* – М., 1974/
5. Пушкин А.С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 7.* – М., 1976.
6. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах, т. 2.* – М., 1986.